

ПАМЯТЬ О ЛЕГЕНДАХ

На поле Куликовом

Конец XIV, начало XV столетия отмечены двумя самыми крупными в истории средневековой Европы битвами — Куликовской и Грюнвальдской. Между ними есть определенная связь: победа русских над татарами ускорила разгром Тевтонского ордена объединенными силами поляков, белорусов, литовцев, украинцев. Отношения между этими выдающимися событиями, безусловно, не простые, и тем более лишены прямой обусловленности. Усиление Московской Руси, широкая слава Куликовской победы, в блеске явившая себя военная мощь русских земель, тяготевших к Москве, отразились и на державной политике Великого княжества Литовского, дали образец для подражания и, может быть, самое важное, сломали утвердившийся стереотип мышления, что с крыжачками надо ловчить, что в большом сражении они непобедимы.

Куликовская битва предрешила конец татаро-монгольского гнета на русских землях, Грюнвальдская победа остановила крестовые походы на Белоруссию к Литву; после разгрома татар на поле Куликовом начала становиться сильная Московская держава, Грюнвальд породил государственное объединение Великого княжества с Польшей, зафиксированное Городельской унией. Есть еще одна важная причина, которая способствует говорить о Куликовской битве, вспоминая Грюнвальдскую. Дело в том, что события седой старины, какой бы ореол славы их не окружал, как бы широко не отражались они в литературных памятниках, остаются для далеких потомков таинственными. Лучше будет сказать, что многое в этих событиях никогда не перестанет волновать нас недоступной проникновению загадочностью. Увековеченные летописцами или историками того времени описания обеих битв подобны одним — неточностью и приблизительностью: по ним трудно, а то и вообще невозможно представить ход, течение, развитие как первой, так и второй битвы, количество полков, число войска, действия войск, роль исторических лиц в сражении и многое другое, связанное с военной стороной событий. Сколько историков не бралось реконструировать конкретное развитие действий 8 сентября 1380 года на Куликовом поле и 15 июля 1410 года в окрестностях деревни Грюнвальд, каждый наталкивался на такие обстоятельства, которые позволяли строить в чем-то новую версию, по-разному толковать и общую численность войск, и их состав, и поступки тех или других

участников этих переломных событий русской и белорусской истории. Интересно, наконец, и то, что были люди, которым выпала печальная судьба (нельзя сказать — посчастливилось) биться в обеих кровавых сечах, главным образом это жители Полоцка и Полоцкой земли — наши предки.

Любопытно поэтому проследить, насколько возможно, непосредственное участие в Куликовской битве белорусов и вообще высветить ту конкретную помощь, какую сыграло сочувствие белорусов борьбе братского народа против татарского гнета. По нашему мнению, нежелание белорусов сражаться на стороне Мамаю — существенно повлияло на исход битвы в пользу русского оружия...

Война, как известно,— продолжение политики насильственными средствами. Стратегия господства Золотой Орды над русскими землями не допускала их объединения. У дельная раздробленность русских княжеств, взаимное недоверие и враждебность князей, их нежелание поступиться своим ради общего дела позволяли татарам долгое

время сдерживать появление сильной русской державы. Но феодальная централизация как процесс исторический нашла способных к такому нелегкому, жестокому делу людей. Субъективно их заботы и поступки могли иметь (и часто имели) отталкивающий, неблагородный облик. Объективно же они были героями этого процесса.

В начале XIV столетия в роли объединителей русских земель выступали два самых сильных русских княжества — Тверское и Московское. Но, чтобы стать объединителем, надо иметь силу, так как соседние княжества и удельные князья по доброй воле подчиниться, менять самостоятельность на положение князей подручных, подколренных, подначаленных не желали. Поэтому главным и единственным средством объединения могла быть только реальная сила — войско, которым обеспечивал и гарантировал успех своей политики объединитель — Москва или Тверь. Они соперничали. Это соперничество отмечено рядом драматических, а то и трагических событий — войнами, интригами, предательствами, изменами слову, обращением за помощью к врагам. Самое тяжелое столкновение произошло в 1327 году, когда московский великий князь Иван Калита ходил походом на Тверь вместе с татарским войском и, как говорит летопись, «положил Тверскую землю пусту». Эта крайняя взаимная враждебность не остывала еще полстолетия. Только поход Дмитрия Донского в 1375 году принес Москве победу над Тверским княжеством. Тверской князь Михаил Александрович был вынужден заручиться с Дмитрием мир, по условиям которого признавал себя «младшим братом» Московского великого князя и обещал помогать ему своим ополчением против татар. Большой этот успех не был случаен. Готовясь к походу на Тверь, московское княжество сумело подначалить себе Нижегородского, Галльского, Ростовского, Стародубского князей и таким образом значительно увеличило свою территорию и, что более важно, свои вооруженные силы.

В следующем году Дмитрий отправился на камских болгар и после

победного боя обязал их заплатить выкуп. Сверх того, к болгарам сел заструга (сборщик дани) от Москвы. Такой смелости не позволял себе прежде ни один русский князь.

Московские успехи и целенаправленность политики обеспокоили Мамаю, и он решил осадить Дмитрия, подрезать ему крылья. Летом 1378 года на Москву двинулась татарская рать под началом Бегнча. Русские и татарские полки сошлись на реке Воже, 11 августа произошла битва, в которой татары впервые за историю своего господства на русских землях потерпели полное поражение.

Понятно, что татары не могли согласиться, чтобы такая акция Московского великого княжества стала прецедентом и чтобы воинственный князь избежал соответствующего наказания. Мамай начал готовить карательный поход на Москву. Но в это время положение Золотой Орды было не лучшим. Татарскую державу раздирала смута. На ордынском троне ханы менялись молниеносно: не успел сесть — как уже убит, или согнав, или сам уступил, боясь очередного соперника. За короткий срок ханскую шапку носили Бердыбек, Кульпа, Наврус, Гиды, Темир-Хазя, Арзу-Меник, Кизильбек, Белаз, Амурат. От Золотой Орды практически откололись густонаселенные земли Нижнего Поволжья. Враждебные отношения сложились у Мамаю с ханом Кипчакской Орды Тохтамышем, который был потомком Чингисхана и стал во главе кипчаков в 1376 году с помощью знаменитого Тамерлана. В этих обстоятельствах терпеть усиление Московского княжества, действия которого ущемляли экономические и военные интересы Орды, было бы равноценно самоубийству.

Жизненной потребностью для Мамаю стал поиск союзников против Москвы, и он нашел их в лице великого князя литовского Ягайлы и рязанского князя Олега.

Невыгодное положение рязанских земель между московскими и ордынскими

требовало от Олега осторожности и политической гибкости. Ответить Мамаю на предложение союза против Дмитрия решительным «нет» никак было нельзя — на завтра же ордынцы прошли бы его княжество с огнем и мечом. В этом не приходилось сомневаться. В 1365 году Рязань испытала набег хана Тагая. В 1373, 1377, 1379 годах Орда вновь разоряла Рязанское княжество, то есть прямо накануне Задонщины. Отказ означал незамедлительное беспощадное нападение. Не избавляло Олега от такой угрозы возможное поражение Москвы в столкновении с татарами. А равно не избавляла и возможная победа Москвы — Рязанское княжество в любом случае оставалось порубежным, открытым для набегов. С другой стороны, Олегу не было смысла поддерживать Москву, поскольку любая поддержка оборачивалась издержками для независимости княжества, к чему Олег стремился. Ситуация для Олега складывалась весьма драматически, даже, можно сказать, — трагически, как всегда бывает для слабого, если ему выпадает стоять между двумя силачами. И Олег проявил понятную гибкость: Мамаю ответил согласием, Москве обещал свой нейтралитет. Так что ярлык «предателя общерусского дела» навешен на

него безосновательно, без учета реальных условий его непростого положения. Если он и изменил, так только Мамаю, потому что известил Дмитрия о готовящемся походе. Конечно, для русского войска на Куликовом поле было бы лучше иметь в своих рядах и рязанское ополчение, но за такой шаг Олега могло поплатиться жизнями все рязанское население — поголовно.

Второй союзник татар — Ягайла — был кровно заинтересован в разгроме Москвы или, по меньшей мере, в военном ослаблении Московского княжества. В этом отношении он продолжал политику своего отца — великого князя литовского Ольгерда. Политика эта была нацелена на территориальный рост растущего, крепнущего государства за счет русских и украинских земель. Но стовор Ягайлы с Ордой был политической новинкой. Так прежде не поступали. Наоборот, татары считались противником. Еще хорошо помнилось, как отец Ягайлы Ольгерд провел против Орды ряд победных походов: в 1362 году белорусы, литовцы и украинцы разгромили татар на Синеи Воде — тогда у них была отнята житница восточно-славянского юга — Подолье; в 1365 году Ольгерд отбил у татар Киев. Правда, одновременно шло присоединение русских княжеств: в 1358 году Ольгерд занял Мстиславль, через три года — Торопец; к Великому княжеству Литовскому перешли Брянск, Трубчевск, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Чернигов, Стародуб. Стало очевидным, что Ольгерд стремится присоединить Смоленское княжество. Таким образом, Москва и Великое княжество Литовское неминуемо двигались к столкновению. К 1380 году враждебность сторон надела уже достаточную историю, и началась она после смерти Гедимина, когда власть в белорусско-литовском государстве поделили его сыновья Ольгерд и Кейстут.

Взаимоотношения властительных братьев от темы разговора — белорусы и Куликовская битва — неотделимы. И вот почему.

Великое княжество Литовское, начиная с Миндовга, складывалось, как говорилось выше, из белорусских, литовских и жмудских земель, и во главе его стоял самодержец. Годы правления Ольгерда и Кейстута явили отклонение — двоевластие, и Великое княжество разделилось на Виленскую и Трокскую половины. Первая принадлежала Ольгерду, вторая — Кейстуту. Трокская половина включала непосредственно Трокское княжество, Жмудь, Подляшье, Полесье, Брестскую и Гродненскую земли, большую часть Лидской и половину Новогрудской земель — другими словами, почти что весь запад Великого княжества. Ольгердову половину составляли, если считать по городам, Вильно, Полоцк, Витебск, Крево, Ошмяны, Ивье, Минск, Игумен, Бобруйск, Борисов, Слуцк, Орша, Могилев, Речица, Быхов, Копыль, Кричев, Рогачев, Чаусы, Мстиславль, Брянск,

Новгород-Северский — иначе говоря, восточные земли княжества. Соответственно братья поделили и сферу внешней политики и функции в обороне государственных границ. Кейстут противостоял Тевтонскому ордену, полякам, венграм; Ольгерд действовал на восточных и южных рубежах против русских и татар.

Это деление Великого княжества на Виленскую и Тройскую половины, на Ольгердову и Кейстутову, было твердым и общепризнанным, о чем свидетельствует факт утверждения Виленского и Трокского воеводств по Городельской унии 1413 года, когда ни Кейстута, ни Ольгерда уже не было на свете и полноту власти держал в своих руках сын Кейстута Витовт.

Приняв по смерти отца в 1377 году великокняжеский венец, Ягайла принял Виленскую половину и политику военного давления на Москву. Почему же в первую очередь на Москву, а не на ослабленную московскими нападениями Тверь? Наличествовали определенные основания. Матерью Ягайлы была тверская княжна Юлианна, и узы родства Ольгерда с тестем — князем Михаилом Александровичем — цементировали в единое целое их несхожую в основе неприязнь к Москве. В 1368 и 1370 годах Ольгерд провел успешные походы на Московское княжество, разбурил столицу, осаждал Кремль. Однако скорее эти войны носили предупредительный характер — на серьезную битву с Москвой Великое княжество Литовское отважиться не могло. Продолжительная война на восточных границах способствовала бы захвату крестоносцами Жмуди и западных белорусских земель. Великому княжеству каждый год приходилось отбивать то два, а то шесть-восемь рыцарских нашествий. За 1345—1377 годы Белоруссии и Литве выпало отбивать сто немецких походов и наездов и сорок два раза объявлять Погоню — для ответных походов на крестоносцев. На эти годы, особенно на 70-е, припадают и войны с Польшей, и походы за лупами в польские воеводства.

В 1370 году Кейстут и брат его Любарт напали на польскую часть Волыни. В 1376 году последовал новый поход под началом Кейстута. Эти набеги, которые невозможно было предвидеть и предотвратить, вызвали в среде государственных мужей Польши идею укрощения Великого княжества путем династического брака, который осуществился позже — через несколько лет после Куликовского сражения. Так что в годы, предшествовавшие этому сражению, Трокская половина княжества вообще забыла, что такое мир, и для напряженной борьбы с потенциальным крепнувшим противником, каким становилась Москва, Великое княжество не имело необходимых воинских ресурсов.

Неожиданное предложение Мамайя пришлось Ягайле на руку; он решил воспользоваться удобным случаем. Против Москвы Ягайлу распаляла еще и та помощь, которую московский князь оказывал его брату Андрею — полоцкому князю.

Надо сказать, что в целом положение Ягайлы на виленском троне было довольно неустойчивым. Заняв отцовское место, он встретил сопротивление своих братьев, особенно от брака Ольгерда с витебской княжной Марией: старший брат Андрей княжил в Полоцке, Владимир — в Киеве, Дмитрий — в Брянске, Дмитрий-Корибут — в Новгород-Северском. Каждый из них жаждал отделиться, а Андрей считал за собой больше прав на корону, чем Ягайла. Но главным противником Ягайлы стал дядя — старый Кейстут. Держа в руках

половину земель и войска, он и мысли не допускал подчиняться решениям и желаниям своего племянника. Между Кейстутом и Ягайлой началась острая, но в то время еще скрытая война. Опасаясь выступить против дяди открыто, Ягайла договорился с крыжаками, которые за обещанную уступку им Жмуди начали бурить земли и города Трокской половины, обходя земли Виленской. Все вело к вооруженному конфликту; он начался, когда Кейстут, получив документы о союзе племянника с немцами, сбросил его с великокняжеского трона на удельный витебский

стол, и окончился восстанием Ягайлы и насильственной смертью Кейстута в Кревском замке. Но драматические эти события имели место вскоре после Куликовской битвы, а в 1380 году, во время сборов Ягайлы на Дон, взаимная ненависть только поспевала. Так что и разговора не могло быть об отправлении войска Кейстута в поход под началом Ягайлы. Да и при добрых отношениях оголить рубежи с крестоносцами было бы большим риском. Поэтому полесские, подляшские, жмудские, брестская, гродненская, волковыская, слонимская, частично лидская и новогрудская земли не дали Ягайле ни одного воина.

Какими же силами располагал Ягайла, выступая на помощь Мамаю? За исключением трех-четырёх целиком литовских хоругвей войско его состояло из восточнобелорусского населения. Но здесь не было полка из Полоцкого княжества, который выступал на стороне Дмитрия Донского. Вряд ли Ягайла мог вести с собой более 8—10 тысяч воинов. Из каких рассуждений возникает это число? До нашего времени сохранились «полисы» белорусско-литовского войска от 1529 и 1564 годов, точнее говоря, конного войска. Так, в начале XVI столетия Великое княжество Литовское располагало 25 тысячами магнатской и шляхетской конницы. На Виленскую половину приходилось, можно считать, 13—14 тысяч, но, принимая во внимание рост народонаселения (с 1380 по 1529 год), это число надо сократить примерно на треть, что и дает 8—9 тысяч в конных хоругвях. Далекий поход требовал заводных коней, требовал подвод для перевозки оружия и питания — поэтому необходимо прибавить 1—1,5 тысячи человек челяди, которая в бою использовалась как пехота. Ягайла должен был оставить какие-то силы в гарнизонах (при Вильно и других крепостях) — пусть общим числом в тысячу человек. Следовательно, выправился он на Дон, ведя 7—8 тысяч конного войска и 1—1,5 тысячи пехоты.

А теперь проследим, каким путем оказались при Дмитрии Донском полочане. Предшествующие Куликовской битве тринадцать лет полоцким князем сидел Андрей Ольгердович. Кроме того, он княжил в Пскове, но не постоянно и не твердо, поскольку псковичам не нравилось, что Андрей больше живет в Полоцке и не выполняет свои обязанности перед Псковом. В 1377 году, когда Ольгерд на смертном одре назначил св оим преемник ом Ягайлу , князь Андрей посчитал себя ущемленным: по прав у первородства великокняжеский венец полагался ему. Попытка отнять у Ягайлы трон силой не удалась; эта неудача вынудила Андрея покинуть Великое княжество Литовское. Он подался в Москву к князю Дмитрию Ивановичу, где все литовские и белорусские

князя-беглецы находили теплый и уважительный прием.

В это время в Москве служил двоюродный брат Андрея — князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, женатый на сестре Дмитрия Донского; родная сестра Андрея Полоцкого Елена была женой двоюродного брата Дмитрия Донского — серпуховского Владимира Андреевича. Так что Андрей прибыл к самой близкой родне, и его намерения сместить Ягайлу встретили поддержку в Кремле, потому что любая смута в Великом княжестве Литовском шла на пользу Московскому великому княжеству.

По законам той эпохи князь, отъезжая служить в другое государство, имел при себе двор и отряд приязненного к нему боярства. У Андрея такое окружение слагалось из полочан. Понятно, что главной целью отъезда в Москву была надежда на военную помощь в борьбе с Ягайлой. Но Московское княжество само испытывало острую потребность в ратных людях — близилась война с Мамаем. К тому же припало на тот 1377 год поражение русских на реке Пьяна, где, воспользовавшись недисциплинированностью противника, татары уничтожили передовой полк московского войска. Князю Андрею пришлось повоевать ради Дмитрия. Так, он и его полоцкий отряд

вместе с Дмитрием Боброком участвовали в 1378 году в победной битве на Воже, которая стала репетицией полного разгрома татар на Куликовском поле.

Следующий, 1379 год был для Москвы спокойным, и Андрей Полоцкий, верно, получив от Дмитрия какие-то подкрепления, вернулся на родину и начал военные действия против Ягайлы.

Почему же поддерживали князя Андрея полочане, чем так не угодил им «великий князь Литвы, Руси и Жмуди»? Главной причиной стала самоуверенность Ягайлы, который не посчитался с религиозными чувствами и традициями полочких жителей; Прогнав в 1377 году князя Андрея, он назначил наместником в Полоцк своего родного брата Скиргайлу. Последний, в отличие от Андрея, не принимал крещения, был язычником. Насколько этот шаг великого князя оскорбил полочан, свидетельствует то, что рассвирепевшая толпа посадила Скиргайлу на лошадь задом наперед и погнала по улицам за городскую стену под улюлюканье и свист. Когда через несколько лет Скиргайле вновь довелось явиться в Полоцк в качестве наместника, то он, чтобы войти в понимание с полочанами, крестился в православие и взял имя Иван.

Вообще, в белорусских городах, особенно в восточной Белоруссии, прием городом князя-язычника, тем более иноверца, был делом невозможным. Из двенадцати сыновей Ольгерда одиннадцать крестились в православные, то есть принимали религию, утвердившуюся у белорусов. Поэтому эти его сыновья известны с двумя именами — христианским и языческим: Семен-Лингвен, Федор-Виганд, Василь-Коригела, Дмитрий-Корибут, Иван-Скиргайла. Даже Ягайла был вынужден перейти в «греческую веру» и принял имя Яков, и конкретная причина этого действия Ягайлы прямо связана с Куликовской битвой, как мы это увидим ниже. Православные белорусы составляли

преобладающее большинство в войске Великого княжества Литовского, считали за святой долг защищать свои религиозные убеждения. То, что с точки зрения иерархов церкви их религиозные представления были несуразной смесью христианства и язычества, — разговор особый, главное, что они сами считали себя верными христианами и отличали своего от чужого по единственному и внятному признаку — есть на нем крест или нет. Так что Андрей Ольгердович, вернувшись в 1379 году на Полоччину, нашел там широкую поддержку. К нему присоединился киевский князь Владимир Ольгердович, который также жаждал самостоятельности. Вообще, все православное население Великого княжества было недовольно, что державный трон занял язычник Ягайла, и сочувствовало его противникам. Естественно, что потворствующая таким настроениям Москва становилась для Ягайлы тем более враждебной.

Получив тайное известие от рязанского князя о готовящемся нападении Орды, Дмитрий Донской обратился ко всем русским княжествам за помощью. Не миновали эти призывные письма и Андрея Полоцкого. Он собрал полк и двинулся под Коломну, куда собиралась русская рать. Какую же силу вел на поле Куликово князь Андрей? Как псковский князь он вел полк псковичан. Вся псковская земля в случае войны могла выставить тысяч восемь воинов. В дальний поход скорее всего пошли конные добровольцы. Количественно этот полк вряд ли превышал 500—600 человек. Что касается Полоцкого княжества, то здесь Андрей как хозяин положения имел возможность собрать больше людей. Полоцк был одним из крупнейших городов Белоруссии и Восточной Европы: население его на то время, по мнению историков, составляло примерно 20 тысяч. Соответственно при воинской мобилизации в десять процентов город мог выставить в поле две тысячи воинов. Такое же количество могло дать полоцкое боярство со своих вотчин. Едва ли с Андреем пошли все полоцкие ратники; ближе к истине уменьшить это число вдвое. Остается две с половиной — три тысячи. Вот с таким

полком и пришел Андрей Полоцкий помогать Дмитрию Донскому. Много это или мало? Ответ на этот вопрос может дать только подсчет количества

людей в войске Дмитрия. В «Сказаниях о Мамаевом побоище» русская рать определяется в 200—400 тысяч воинов. Русские летописцы называют меньшее число — 150 тысяч. Но все это — известия легендарные, цифры поэтически образные. Армия подобных размеров появилась в России только в Петровскую эпоху. В 1380 году Московская Русь такого количества воинов никоим образом собрать не могла. По разным причинам не все русские земли приняли участие в Куликовской битве. Не отозвались на призыв Дмитрия Тверское княжество, Новгородская земля, Нижегородское и Суздальское княжества, остались в стороне Смоленское княжество и, как мы уже говорили, рязанский князь Олег. Помимо непосредственно москвичей в состав русского войска вошли полки удельных князей — белоозерских, ярославских, муромских, елецких, мещерских, кашинских, брянских — и городские полки из Коломны, Серпухова, Владимира, Костромы, Ростова, Старо дуба. Переяславля-Залесского, Калуги, Дмитрова и некоторых других. Так что силы Дмитрия

Донского были ограничены.

По подсчетам историков, в 1630 году общая численность войск русского государства составляла 93 тысячи человек. Полстолетием прежде, при Иване Грозном, русское полевое войско насчитывало 70 тысяч воинов, из них 10 тысяч — татары и 4 тысячи — наемники. Таким образом, само русское войско составляло 66 тысяч. Но двумя столетиями раньше территория Московской державы была втрое меньше; следовательно, даже без учета роста населения, Дмитрий Донской мог вести под своими знаменами примерно 20—25 тысяч ратников.

К этому числу приводят и другие подсчеты. В конце XIV века население Москвы не превышало 20 тысяч жителей. При сверхнапряженной мобилизации (в двадцать процентов) Москва могла выставить полк в 5 тысяч воинов. Прочие города московского и сторонних княжеств были значительно меньшими — одна-три тысячи жителей. Если допустить, что в Родонеже, Звенигороде, Оболенске, Перемышле, Рузе, Можайске, Боровске, Боголюбове, Юрьеве, Дмитрове, Переяславле жило по тысяче, а в Серпухове, Коломне, Муроме, Стародубе, Владимире, Угличе, Калуге, Ярославле — по три тысячи человек, то при сверхнапряженной мобилизации городское население сумело выставить на битву семь тысяч воинов.

В первой половине XVI столетия сельское население русской державы, как подсчитал историк Е. А. Разив, составляло 1,1 миллиона человек. Среди них мужчин призывного возраста было 280 тысяч. Таким образом, при мобилизации в десять процентов (а для сельской местности это высокий процент) русские крестьяне могли выделить на войну 28 тысяч человек.

Это через 150 лет после Куликовской битвы и при расширенной территории государства. А в 1380 году Дмитрий навряд ли мог получить в ополчение более чем 12—15 тысяч крестьян. Сюда надо прибавить обоз. Для похода на каждые 8—10 человек требовалась подвода. На 25 тысяч русского войска 2—3 тысячи подвод, что дает еще 2—3 тысячи пехоты; определенное количество составляли коноводы, которые вели запасных лошадей.

В русском ополчении на конницу приходилась половина силы; об этом свидетельствует состав войска в 1580 году, когда из общей его численности в 56 тысяч на поместную конницу приходилось 25 тысяч. Суммируя все сказанное, можно считать, что Дмитрий Донской располагал на поле Куликовом 15 тысячами конных воинов и таким же количеством пеших. Это была огромная рать. Она потребовала невиданного раньше напряжения сил русского народа, затронула все города, каждую деревню. Именно

поэтому Куликовская битва и осталась в народной памяти — русские земли, призванные побить Мамай, дали для этой победы все, что могли, ничего не затаили, вышли в поле на пределе своих воинских возможностей.

Для сравнения припомним, что для взятия Казани в тяжелый многомесячный поход Иван Грозный вел 50 тысяч войска. В самой крупной

битве XIX столетия на Бородинском поле с русской стороны участвовало 125 тысяч солдат и офицеров. А Куликовская битва состоялась на 430 лет раньше. Так что 25 тысяч Дмитрия Донского на то время представляли собой необычно большую рать.

Тем не менее князь Дмитрий Иванович, хоть и собиралось невиданное прежде войско, не мог быть спокоен. Через меру было у него в войске «небыльцев» — людей, которые шли на битву впервые, не привычных к длительному бою в строю. Вот почему с благодарностью был воспринят (что отметили все русские летописи) приход братьев Ольгердовичей — Андрея с полоцким и псковским полками, Дмитрия с брянским полком. К тому же братья имели богатый боевой опыт и пользовались авторитетом, о чем говорит доверие Андрею полка правой руки, а князю Дмитрию — особого полка резерва. В художественной форме этот почет отразило одно из лучших произведений литературы того времени — «Задонщина»: «О, соловей, летняя птица, чтобы ты, соловей, выщекотал земли Литовской дву братьев Альгердовичей — Ондрей да брат его Дмитрей Альгердовичей, да Дмитрей Волынский. Те бо суть сынове храбрии, крчати в ратной времени, ведоми полководцы, под трубами и под шеломы возлелеяны, конец копия вскормлены...»

Такое же примерно войско — чуть меньшее или чуть большее — привел на битву Мамай. Междоусобицы в Орде не позволяли собрать рать со значительным перевесом; это выразилось в стараниях Мамаю о союзниках и приглашении наемников — генуэзской пехоты.

Из Москвы на Коломну, где был назначен общий сбор, русские полки двинулись тремя дорогами. Почему тремя? Из соображений удобства. Если отмерить на одну подводку обоза семь метров дороги, то обоз в три тысячи подвод занял бы двадцать один километр, а если приплюсовать сюда растянутые на пятнадцать километров конные отряды (три метра на коня при трех верховых в ряд) да еще не менее пяти верст под пехотой, то походный порядок потребовал бы 40—45 километров при максимальной плотности колонны. Однако и три колонны по пятнадцать километров в глубину — картина впечатлительная.

26 августа Дмитрий Донской провел смотр войска. В соответствии с русской военной тактикой оно было поделено на пять полков: передовой, правой руки, большой, левой руки, засадный. О количественных соотношениях этих полков дает представление роспись русской рати, которая в 1562 году ходила в Ливонский поход: передовой полк — 5400 человек, полк правой руки — 4000, большой — 5800, полк левой руки — 3400, царский — 6200. Царский полк примерно соответствует засадному полку XIV столетия.

В последний день августа русское войско переправилось через Оку и двинулось к полю битвы. От переправы до него было 125 верст. На таком же расстоянии от Куликовского поля находились войска Ягайлы и Олега рязанского. Мамай, хоть и был ближе остальных к Дону, подвигался медленно, ожидая союзников. Упоминание об одинаковой для всех сторон столкновения

длине пути имеет важный смысл, так как все участники

Мамаевой коалиции могли прийти на битву в одно и то же время.

Никто из них не был поставлен в худшее положение по условиям качества дорог, количества переходов, их сложности. Однако Ягайла на битву не пришел. Почему —

будет сказано ниже. Победа русских в битве была обеспечена вовсе не количественным перевесом, если

даже предположить, что он имел место, и дело вообще не в меньшем или равном количестве копий и топоров. Татары хорошо знали, за что идут бороться. В Орду из русских земель тек серебряный ручей. Одна Москва давала Орде пять тысяч рублей — по тому времени баснословные деньги. Не зря на Востоке ходили рассказы, что Русь засыпана серебром, как снегом. И еще на русских лежала ямская (почтовая) повинность, и давила их дань натурой. Львиная часть этих поступлений шла хану, но кое-что перепадало и воину. Средством наживы были для Орды и набеги на русские земли. Согласиться с утратой такого источника своего благосостояния татары не могли.

Полезное и приятное для татар было злом для русских, и каждый ратник чувствовал себя ответственным за судьбы родины. Но не только крепкий дух русского войска привел к победе. Успех стал и результатом военного таланта, который проявили Дмитрий Донской и ставшие с ним рядом князья. Татары бились не менее мужественно, чем русские, и в отношении воинской дисциплины, опыта, тактики нисколько не уступали русскому ополчению, скорее — превосходили его. Мужество, стойкость, храбрость — необходимые условия, но исход битвы решают не только они. Храбро сражались русские дружины и на Калке в 1223 году, в свое первое столкновение с монголами, однако славы и успеха не сыскали, спластовались поголовно.

К месту сказать, в трагической битве на Калке также участвовали белорусские отряды. Так, перечисляя погибших там князей, летописи называют среди них и несвижского князя Юрия. Верно, не он единственный из белорусских князей ходил на ту сечу.

В Куликовской битве ситуация коренным образом изменилась. Удачно, с преимуществом для русских, с учетом тактики татар было выбрано поле боя. Географические размеры его 8X9 километров, но площадь, подходящая для сражения, составляла 4 километра по фронту и 5 в глубину. Вот на этих четырех километрах и разместились полки — правой руки, большой, левой руки. Передовой полк подвинулся навстречу татарам, засадный засел в Зеленой Дубраве в 2 километрах за главными силами, а между дубравой и полком левой руки стал полк Дмитрия Ольгердовича. Позиции русского войска с правого фланга оберегали порезанные ярами берега реки Нижний Дубяк; обойти левый фланг мешала речка Смолка, и татарам не было возможности применить свою излюбленную тактику окружения; им оставалось идти на малоприятное лобовое столкновение.

По традиции средневековья, которой твердо придерживались и в Западной и в Восточной Европе, князь — возглавитель войска принимал непосредственное участие в битве: или сразу, с первых минут боя, или позже, когда сам вел в бой резерв. Неисполнение этого неписаного закона считалось проявлением трусости и отрицательно влияло на боевой дух войска. Вообще, иначе и не понималось — князь в бою был равным с другими перед лицом возможной смерти, и то, что он бился с врагом, как и все прочие, было утверждением справедливости. Князь служил образцом боевого поведения. Насколько эта традиция была сильной, можно судить по такому вот происшествию. В 1552 году, когда русское войско пошло на решительный штурм Казани и ворвалось в город, в жестоком уличном бою настал критический момент. Воеводы, чтобы поднять пыл воинов, приказали развернуть возле городских ворот царскую хоругвь, а самого царя Ивана Грозного против его желания, силой заставили стать рядом — «и самого царя,— как отметил летописец,— хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругви поставиша».

Дмитрий Донской исполнил старинный обычай, хоть и отступил от него. Под черным великокняжеским стягом стал одетый в доспехи Дмитрия Михаил Бренк, а сам Дмитрий бился в первых рядах большого полка. Отдавая честь личному мужеству Донского, надо сказать, однако, что такое решение князя с военной точки зрения было не лучшим. Великий князь, завязнув в гуще сечи как простой ратник, лишал войско единого руководства. Каждый полк подчинялся своим командирам, координация действий «сверху» не осуществлялась. Даже введение в бой резервного полка Дмитрия Ольгердовича и засадного, во главе которого стояли князья Владимир Андреевич Серпуховский и Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, целиком зависело от их военной интуиции. Те же неудобства испытывали и начальники отдельных отрядов в полках. Положение спасло то, что все эти люди, особенно Боброк-Волынский, показали высокую сообразительность, самостоятельность военного мышления и чувство критической минуты.

В татарском войске порядок был иной. Правила боя, разработанные еще Чингис-ханом, запрещали под страхом смертной казни участие в сражении даже тысяцкому. Тот наблюдал за действиями своих сотен, а тысячами распоряжался темник. Общее руководство осуществлял хан, который располагался так, чтобы было доступно осмотру все пространство боя. Мамай в Куликовской битве стоял на Красном холме — в пяти километрах от центра сечи. Его глазам открывалось все русское построение — передовой полк, три полка по фронту и полк Дмитрия Ольгердовича в запасе. Зная тактическое построение русской рати из пяти полков, Мамай допустил ошибку, посчитав, что все видные ему полки — и есть все войско Дмитрия. Спрятанная в Зеленой Дубраве конница Боброка-Волынского и Владимира Андреевича осталась незамеченной, не была взята в расчет, и потому, как показала битва, Мамай не предусмотрел появления свежего и значительного засадного полка.

После поединка богатырей — Пересвета с Толубеем — сошлись передовые

полки русских и татар: их нещадный обоюдоуничтожающий бой занял более часа. Здесь, в рядах передового полка рубилась белорусская дружина Глеба Друцкого. Никаких других сведений о князе Глебе не сохранилось. Только и известно о нем, что ходил на Куликово поле — может там навсегда и остался. Невозможно определить и численность друцкой дружины: могло быть триста человек, могло быть больше, могло быть меньше. Но сколько бы ни было там дручан, навряд ли хоть одному из них посчастливилось остаться в живых — все они полегли, отбивая первый, самый тяжелый удар.

Потом сблизились главные силы, и татары направили натиск на большой полк, на общевойсковое знамя. Тактика татар с обязательностью требовала первоочередного уничтожения большого полка и великокняжеского стяга — это было равнозначно победе. Помимо того, разгром большого полка позволял взять в «клещи», а затем в «котлы» полки правой и левой руки и вырубать их уже по отдельности. Одновременно Мамай усилил натиск по всему фронту боя, отыскивая слаbinу.

Возглавляемый Андреем Полоцким полк правой руки, в котором сражались полочане, выкачал наибольшую стойкость. Это значит — терял людей, но держался, не уступал.

Трудно представить ту битву, лучше послушаем летописца:

«...Льется кровь богатырская под седлами, котятся шлемы золотом под ноги конские, а за шлемами головы богатыров. Татары же вдвое того падают на поли Куликовом, а як великое и пространное место межи Доном и Мечею, але еще и тое было тесно. От так великого и тесного войска и не тылко от оружия падали, але и сами от себя разбивалися и от тесноты великой иишии задыхалися, иншии под ногами конскими

умирали, а реки кровавые текли, мечи блисцахуся, аки молнии, копии крушатся, як гром треща ти; от третьей години а ж до шестой билися христиане. О грозной години. О горкого часа. В трох бо годинах безчисленое множество побито создания божия. Годину четвертую и пятаую бьются, не ослабевают христиане, ниже татары, наставшей же шестой године начата божиим попущением грех ради наших поганым одолевати, а христиане изнемогати...»

Большой полк стал прогибаться, а полк левой руки под напором татарской конницы был вынужден отступать. Сюда, на охрану большого полка от флангового удара поспешил со своим полком Дмитрий Ольгердович. Но и брянцам удержать лавину татар не удалось. Битва длилась уже пятый час; в большом полку и в полку левой руки стояло много «небыльцев» — главным образом ремесленников и крестьян. Большинство из них не имело защитных доспехов, даже кожаных, в продолжительной битве они неминуемо должны были погибнуть и сами понимали свою трагическую роль; ряды их таяли, пластовались под татарскими саблями, и настал такой момент, когда татары опрокинули полк левой руки и половину большого полка и погнали к Непрядве. Мамай, очевидно, ликовал победу — татары шли по пятам бегущих и высекали

их в спину.

И вот тогда, когда полк левой руки гибнул от татарских арканов, оседал под татарскими топорами, когда зажимались клещи вокруг полка правой руки, — вот тогда князь Дмитрий Боброк отдал приказ засадному полку вступить в бой. Тысяч 6—7 конницы вынеслось из Зеленой Дубравы и обвалилось на татар. «И побегоша татарсции полци, а христианьсции полци за ними гоаяюще, бьюща и секуща». Битва изменила свое течение; перешли от обороны к натиску нетронутая бегством половина большого полка и крыло Андрея Полоцкого. Татары побежали. Удар Дмитрия Боброка и Владимира Андреевича был полной неожиданностью. Мамай ничего не мог противопоставить этой, словно с неба сошедшей силе. Прямо у него на глазах такая близкая и безусловная победа оборачивалась небывалым, ужасным для татар поражением...

Вот когда потребовались бы Мамаю, более того, были необходимы те 7—8 тысяч белорусско-литовского войска, которое вел на битву Ягайла. Но их не было, они не пришли, словно осели в землю в 20 верстах от Куликовского поля. Почему же? Что остановило их движение? Что не позволило пройти последние километры — три часа хода для конницы — после многодневного похода? Какая же ворожба зауздала решимость Ягайлы, что заставило изменить слову, не вынуть меч, не нанести удар — удар действительно смертельный — своему противнику Московской Руси? И как ни посмотришь — удивительно странно, очень странно поступил Ягайла. Стань его хоругви против засадного полка — и многое могло бы измениться: могли бы русские и не увидеть победы, могла бы сникнуть сила, сдерживающая Ягайлу иа Востоке, и пропал бы князь, приязненный к беглецам из Великого княжества Литовского. По-разному объяснялся историками этот загадочный поступок Ягайлы. Высказывали мнение, что Ягайла не успел на битву, опоздал, что ему не хватило «одного дня». Действительно не хватило. Но совсем не потому, что был далеко и переходы были длинные и полные напряжения. При желании он смог бы соединиться с татарами на дня два раньше. 125 верст войско его сумело одолеть за десять дней — это чрезвычайно медленные темпы, ползком — и то выйдет быстрее. Пробовали объяснить опоздание Ягайлы его личной трусостью — будто бы он вообще опасался боя. Это не так. Ягайла был храбрым человеком; об этом свидетельствуют его смелый заговор против К ей с ту та и особенно непосредственное участие в московских походах отца, в набегах на крестоносцев, на польские земли (например, на Свентокшыжский монастырь). Был бы Ягайла боязлив, он вообще не выступил бы на соединение с Мамаем. Или, может быть, отказала Ягайле в решительный

момент политическая дальнорзоркость, военное мышление? Нет, Ягайла обладал глубоким и трезвым умом.

Суть дела крылась в другом; стояние в стороне решил не он — решили люди, которых он вел, его хоругви, войско. Единственной причиной, какая заставила Ягайлу не лезть в битву, было настроение белорусских полков, то есть подавляющего большинства войска. Белорусы были православными, их

сочувствие русским как одноверцам вылилось в решительное нежелание рубиться на стороне Мамаю. В этом религиозном чувствовании нашло объективное проявление и чувство славянского единства против этнически враждебных народов. Но самым главным препятствием для соединения войск Ягайлы с Мамаем была память белорусов о разгроме ими татар на Синей Воде. Эта битва незаслуженно находится в тени. Между тем как раз на Синей Воде в 1362 году татары потерпели первое крупное поражение, которое и определило конец их владычества на захваченных славянских землях. Точнее сказать, оно положило конец татаро-монгольскому игу на украинских землях. Великий князь Ольгерд повел на освобождение Украины всю военную силу Великого княжества Литовского — тысяч тридцать войска, не считая челяди и обозников. К нему присоединились полки украинских земель, которые давно мечтали скинуть гнет татар. В битве на Синей Воде, как рассказывают летописи, особенно отличилось ополчение новогрудцев. Эта битва входит в число крупнейших сражений средневековья, а по своим результатам едва ли имеет себе равных — ведь татары были изгнаны из Киева, Волыни, Подолья, со всей степной Украины до Крыма и устья Дона. Еще одним следствием этой исторической победы было воссоединение белорусского и украинского народов. Оно произошло через двести пятьдесят лет после распада Киевской Руси (1125 год). Только теперь народы воссоединились в новом государстве — Великом княжестве Литовском, Русском, Жемойтском.

Именно освобождение Волыни, Подолья, «матери городов русских» Киева повлияло на решимость Московской Руси добиться победы над татарами. Не случайно Куликовская битва последовала так скоро за битвой на Синей Воде. Час освобождения от Орды пробил, и возвестили о нем радостным звоном мечи белорусов, украинцев и литовцев в Диком поле на Синей Воде. В войсках Ягайлы было достаточно воинов, которые участвовали в той исторической битве, и сейчас выступать на Куликовском поле вместе со своим недавним побитым врагом против близкого по крови и братского по вере русского народа им было невозможно. Оценивая такое настроение своих хоругвей, их нежелание осквернить себя общими действиями с иноверцами, Ягайла счел за лучшее не рисковать. И поступил разумно. Белорусские хоругви в ходе битвы могли присоединиться к русским полкам, и уже тогда неминуемо, тут же по разгроме ордынцев, сгорела бы, как зничка, звезда княжения Ягайлы. Тем более, что не надо было искать преемника, он находился рядом — полоцкий князь Андрей Ольгердович. Вот почему те тысячи, которых так не хватало Мамаю, на которых в известной степени основывалась его уверенность в победе, недвижимо простояли поодаль поля, а унаво о боевом успехе русских, двинулись назад, в Великое княжество.

Надо сказать, что лояльные отношения белорусов к жизненно важной задаче русского народа, отношения, какие посодействовали уничтожению войска Мамаю, нашли понимание в Московском княжестве и остались в памяти. Через тридцать лет, во время Грюнвальдской битвы, где решались исторические судьбы белорусов и литовцев, русский народ в лице своих князей не

воспользовался моментом, не ударил в спину, не пошел воевать Смоленск, Брянщину, белорусские земли. Момент, стоит подчеркнуть, был наименее удобным — в Грюнвальдскую битву вступили полки всех белорусских земель. Восточная Беларусь, Смоленщина остались без защитников — бери голыми руками.

Случись такое нападение, и Великому княжеству Литовскому пришлось бы разделить силы, биться на два фронта. Так что Куликовский долг, долг косвенной помощи, русские вернули благородно. Это взаимное уважение коренных интересов друг друга и представляется наиболее существенным в истории наших братских народов того времени.

Как же сложились дальнейшие судьбы некоторых главных участников Куликовской битвы? Андрей Полоцкий после настойчивой борьбы с Ягайлой был побежден, несколько лет провел в темнице, откуда его освободил под свою заручку князь Витовт. Погиб Андрей в жестокой битве с татарами на реке Ворскле в 1399 году. Сыновья князя Андрея — Михаил и Симон, также рубившиеся с татарами на поле Куликовом, — погибли прежде отца: Михаил в 1385 году в походе Москвы на Олега Рязанского; Симон годом позже, защищая Полоцк от своего дяди Ивана-Скиргайлы.

В трагической битве на Ворскле погибли и герои Куликовки — Дмитрий Ольгердович и Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский...

Мамай через год после своего поражения на Дону был разбит Кипчакской Ордой, сбежал в Крым, где в скором времени был зарезан. Во главе Золотой Орды стал Тохтамыш. В 1382 году он с большим войском напал на Московское княжество, сжег Москву и хитростью вошел в Кремль. Население Москвы (10 — 15 тысяч человек) было поголовно и безжалостно вырублено. Новое усиление Орды стало угрожать не только Москве, но и Великому княжеству Литовскому. Поэтому Ягайла, по казни своего дяди Кейстута став самодержцем, решил изменить политику отношений с Москвой — примириться. Для скрепления союза предполагался брак Ягайлы с дочерью Дмитрия Донского. Об этом велись переговоры в 1384 году. Но тогда же последовало более выгодное для Ягайлы предложение от поляков — вступить в брак с польской королевой Ядвигой и стать королем Польши. Ягайла его принял.

Сын Дмитрия Донского Василий после побега из татарского плена встретился в Луцке с Витовтом, и эта встреча завершилась обручением Василия Дмитриевича с дочерью Витовта Софьей. Свадьба была сыграна в 1391 году, и таким образом Московский великий князь и великий князь Литвы, Руси и Жмуди породнились, что, однако, не мешало Витовту воевать со своим зятем.

Да, безусловное освобождение русского народа от господства Орды наступило не сразу по Мамаевом побоище, как не сразу по Грюнвальде потерял свою силу Тевтонский орден. Но есть в обоих сражениях глубинный смысл: они показали народам, что конец вражеского насилия, походов, набегов, обескровливающих войн — неизбежен, что народы Восточной Европы имеют духовную силу для победы.

Шесть столетий отделяют от нас Куликовскую битву. Многое исчезло из памяти, неизвестны многие имена. Забылись многие славные когда-то подвиги и дела, а слава о Задонщине живет и поныне, и на поле Куликово приходят люди почтить далеких своих предков, которые не пожалели жизни ради родины и свободы. Те, polegшие в бою герои, спят вечным сном на былом поле сечи; есть среди них и наши предки с Полотчины и Друцка. и поле Куликово — святое для нас, белорусов, так и для русских.